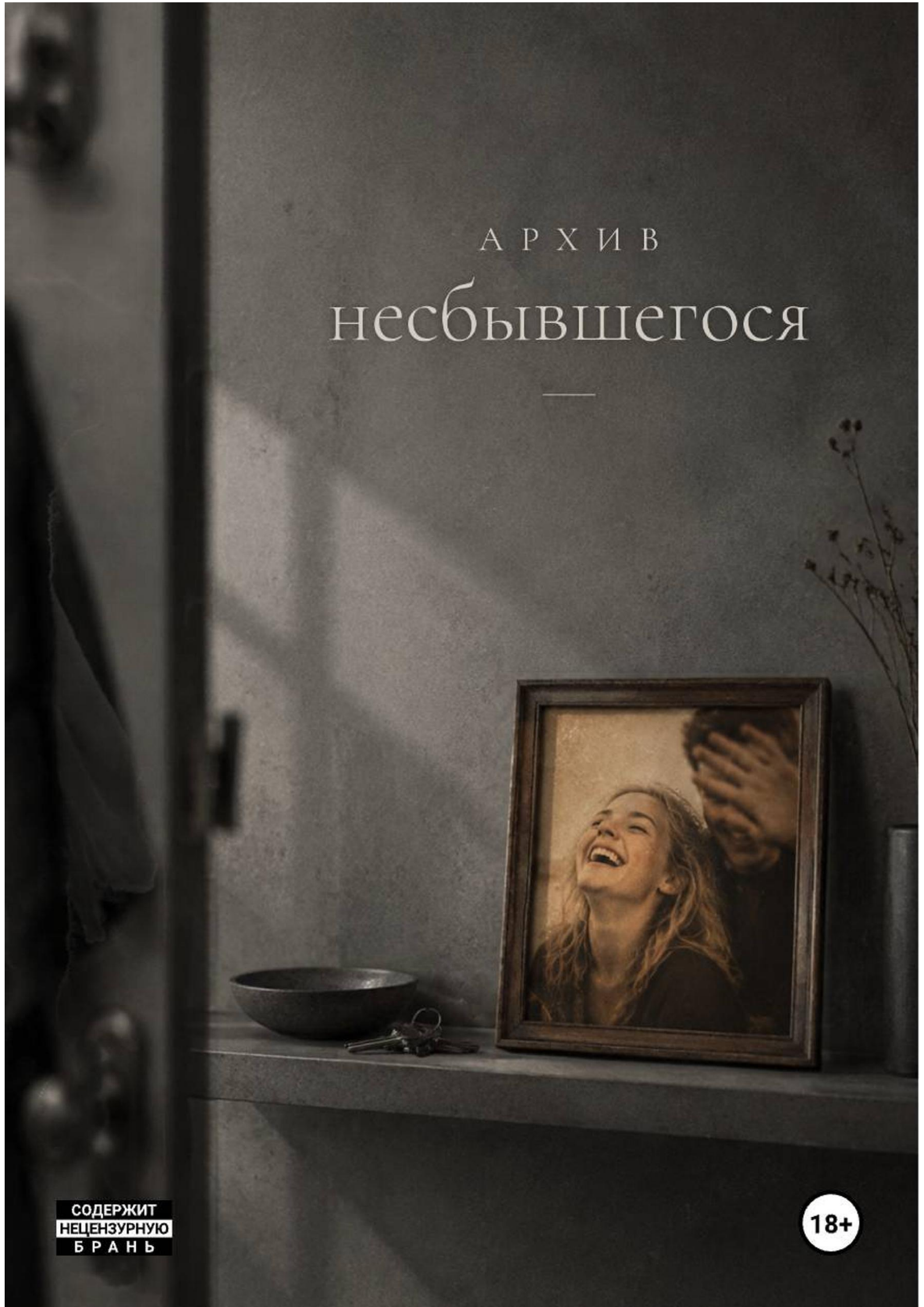
АРХИВ несбывшегося

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Алета Форс

Архив несбывшегося

«Автор»
2026

Форс А.

Архив несбывшегося / А. Форс — «Автор», 2026

Ты думаешь, что закрыл дверь.Сменил город, номер телефона, человека рядом. Выстроил жизнь, где всё по графику: работа, ужин, сон, никаких сквозняков. Назвал это взрослением. Психотерапевт назвал бы иначе, но к психотерапевту ты не ходишь.Ты уверен, что всё под контролем. Что прошлое лежит папкой в архиве, а ключ у тебя в кармане.А потом приходит запах. Чей-то смех за соседним столиком. Почерк, который ты узнаёшь раньше, чем успеваешь подумать. И выясняется, что дверь никто не запирал. Ты просто стоял к ней спиной.Старые чувства возвращаются в самый неподходящий момент. Клише. Только больнее от этого не меньше.«Архив несбывшегося» — роман о двоих, которые слишком долго делали вид, что сами выбирают, как сложится их жизнь.

© Форс А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Алета Форс
Архив несбывшегося

Глава 1

Иногда руки опускаются, и ты просто пытаешься понять: куда дальше? Зачем дальше? Для кого? Наверное, именно в такие моменты мы уязвимы сильнее всего. Мы теряем суть, смысл — ту тонкую нить, которая держит нас на поводке этой жизни. И каждый раз ты думаешь: ну почему так, а не иначе? Почему жизнь сложилась именно так?

И тогда ты вспоминаешь — иногда эти воспоминания разрывают тебя на куски, выворачивая душу наизнанку. Ожидая, что ты оступишься, и это как раз тот момент, когда можно ужалить тебя посильнее. А иногда наоборот — сердце заходится в нежном трепете, переполняясь чистым и светлым чувством, которое, как тебе казалось, ты уже давно забыл. Или никогда не знал его. Или просто был не способен на него. Ведь всё относительно.

Порой новый ветер приносит старые чувства. Клише.

Зачем? Зачем я снова тревожу эти старые раны, эти эмоции и ощущения, которые так бережно хранил все эти годы где-то очень глубоко. Зачем я запирал эти образы в своём сознании десятилетиями? Чтобы что? Чтобы однажды они подкрались так внезапно, накинулись на тебя и застали врасплох? *Идиот*.

Нервно бросив взгляд на своё отражение в запотевшем стекле, я вернулся в реальность. Аэропорт. Такой серый, бездушный, хотя — вокруг множество лиц: они мелькают и проносятся мимо, наполняя пространство жизнью. Они спешат в свои жизни, к своим проблемам. А может, и не к проблемам. Ведь не у всех и не всегда всё должно быть плохо. Плохо… и это тоже относительно. Кто решает, что плохо, а что хорошо? Только мы сами: наше восприятие, наша история, наш опыт.

Взяв в руки уже остывший кофе, делаю небольшой глоток и морщусь. Холодный горький вкус растекается во рту, оставляя отвратительный привкус грустного утра — такого же, как и моё настроение. Хаос в голове медленно утихает, сменяясь привычным вакуумом. Громкий голос объявляет начало посадки на мой рейс. Я лениво поднимаюсь со своего места, вклиниваясь в поток людей, успев натянуть на лицо маску безразличия. Без эмоций. В кармане так и лежит телефон с непрочитанным сообщением, которое всколыхнуло слишком много воспоминаний. И впервые я ощущаю, что возведенная мной крепость в сознании — не так уж и крепка.

— Подумай! Ты посмотри вокруг. Нет, не маши головой: окунись взглядом в пучину нашего блядского существования. Не думай — чувствуй. Не дыши — вдыхай. Не люби — верь. Не страдай — просто найди и уничтожь. Всё утекает, продаётся. Мы не идём вперёд — мы катимся вверх, подгоняемые смрадным дыханием прогресса, который неумолимо накреняет чашу весов. И первыми пострадают те, кто доверился и подошёл ближе остальных. Страх, как и любовь, не щадит и не прощает никого, — молодой человек, эмоционально жестикулируя, навис над девушкой, словно пытался убедить не её, а больше себя. *— Еще ничего не потеряно. Еще ничего не сделано, ты все еще можешь уйти, ты это знаешь.*

Они сидели в парке, устроив импровизированный пикник посреди полянки, залитой солнечным светом. Оба — ещё такие молодые, но уже с такими взрослыми проблемами. Иногда казалось, что они родились стариками: и он, и она. Она всегда слушала его, приоткрыв рот, разделяя каждую эмоцию, каждую крупинку его настроения. Она впитывала его целиком всякий раз, когда им выпадала такая возможность. Их отношения нельзя было назвать простыми — поэтому слово «возможность» так точно описывало те редкие встречи, на которые он периодически соглашался. Возможно ему было вполне достаточно длинных писем, которыми они

обменивались ежедневно. Ему представлялось, что он оказывает ей одолжение, не подпуская ее слишком близко.

Она лишь смотрела на него, широко распахнув глаза, — то разрушаясь, то оживая под каждым его жестом и прикосновением. В один день он боготворил её, слагал оды о любви и клялся в готовности умереть. В другой — холодно убеждал, что чувства ему чужды, а сам он — безнадежный алекситимик. Но она знала: это лишь броня. За ней скрывался человек слишком тонкокожий, ранимый и гордый, чтобы обнажить свою уязвимость. Именно поэтому он прятался за маской равнодушия, продолжая раскачивать их общие эмоциональные качели. Это началось не сегодня — так было с первого мгновения их встречи. Почему выбор пал на неё? Ответ оставался тайной, но факт был неоспорим: она стала его сиреной, его femme fatale, его Лилит. Им не исполнилось и двадцати, но за плечами уже остались годы на этих американских горках, где каждый новый вираж мог стать последним.

Она внимательно вгляделась в его черты. Прямой нос, тонкая линия губ и этот пронзительный, почти рентгеновский взгляд. Высокий, атлетически сложенный, с растрепанной копной соломенных волос — в его облике сквозила античная выверенность, соединенная с опасной стихийностью. Он сидел, откинувшись на руки, и изучал её лицо. Сегодня на нём были джинсы и блейзер небесного цвета — этот оттенок чертовски ему шел. И без того бездонные глаза приобретали в его сиянии пугающую глубину, пленяя каждого, кто попадал в их орбиту.

Парень молчал, ожидая реакции.

— Прости, ты что-то спросил? Или ждешь аплодисментов после своей высокопарной тирады?

Он ухмыльнулся. В его поле зрения она казалась совсем крошечной: огромные карие глаза, в которых зрачок сливался с радужкой, пухлые губы и аккуратный нос с едва заметной горбинкой. Сегодня она собрала непослушные светлые пряди в пучок, открыв изгиб шеи — он знал расположение каждой родинки на этой коже. Простой сарафан поверх белой майки придавал ей трогательный, беззащитный вид. Глядя на неё, любой почувствовал бы рыцарский порыв оградить это хрупкое создание от мировых невзгод. Но он знал: этому не бывать. Ведь главной угрозой для неё был он сам. По крайней мере, он был в этом абсолютно уверен.

Воздух вокруг них казался наэлектризованным, вступая в резкий резонанс с безмятежной обстановкой. Парк. Их парк. Он был залит мягким золотом солнца, пробивающимся сквозь густую листву деревьев, под которыми они укрылись. Прямо у подножия зеленого склона тихо несла свои воды река; ее поверхность, подернутая легкой рябью, отражала тепло уходящего дня. День клонился к закату — так же неумолимо, как и этот разговор.

— Ты невыносима, — мимолетная улыбка тронула его губы. Но это длилось лишь мгновение: в следующий миг он снова напустил на себя серьезный вид, и на его переносице залегла едва заметная морщинка.

— Я поняла. Тогда объясни это, — она приподнялась на руках, подаваясь к нему. Её пальцы нежно скользнули по его волосам, а губы коснулись самого уголка его рта в невесомом поцелуе.

Он прикрыл глаза и тяжело сглотнул, пытаясь унять дрожь и волну мурашек, пробежавшую по коже.

— Ты можешь лгать себе сколько угодно, — прошептала она, — *но я чувствую, как твоё сердце ломает тебе ребра.*

Толчок в спину. Я стою в очереди на посадку и перестаю понимать, где реальность, а где — вязкое воспоминание. На мгновение я кожей чувствую ласковое солнце и запах свежескошенной травы. Слышу её дыхание — такое близкое, такое родное... Но нет. Я здесь, в аэропорту, вдавленный в людской поток. Меня подгоняют те, кто вечно куда-то торопится — хотя зачем? Самолет не улетит без них, у каждого в билете закреплено свое место, своя клетка.

Подхожу к точке контроля, на ходу вытягивая паспорт и посадочный талон.

— ...новеллист…

Слово, вырванное из окружающего гула, заставило вздрогнуть. Сколько боли оно пробудило. Ведь именно так *она* называла меня — играючи, почти издевательски. Это был наш шифр на двоих. Наш личный подстрочник. Я резко оборачиваюсь; на долю секунды мне кажется, что в толпе мелькнули знакомые черты. Сердце делает кульбит, но я тут же одергиваю себя: показалось. Было бы слишком странно, даже страшно, встретить ее здесь.

Алетейя. *Моя* Алетейя. *Мудак*. Она не твоя. Уже давно, а может — никогда и не была. То, что сообщение пришло именно сегодня, когда я после стольких лет странствий возвращаюсь домой — лишь совпадение. Дичайшая насмешка судьбы. Игнорируя недовольное ворчание за спиной, я прохожу по телескопическому трапу в самолет. Сюрреализм происходящего давит на виски. *«Это просто недосып, — твержу я себе, — мне нужно выпить кофе и успокоиться. Навести порядок в своем чертовом дворце памяти».*

Усаживаюсь в кресло. Жду, пока салон заполнится, пока стихнет суета с ручной кладью. И наконец решаюсь. Сообщение висит в уведомлениях тяжелым грузом; кажется, карман пальто стал весить несколько тонн. Тяжело вздохнув, я вытаскиваю причину моей паники. Экран мигает, высвечивая незнакомый номер.

«— Ты всё еще считаешь, что автор не может просто закрыть книгу и уйти на середине главы?»

Черт. Кажется, я только что услышал, как приоткрылась дверь в мою личную преисподнюю. Или это был вход в потерянный Эдем? Или это все какая-то игра или ужасающее совпадение?.. Одно мгновение — и сквозь шум дождя за иллюминатором пробилось эхо её смеха. Галлюцинация? Возможно. Но фантомный запах её кожи — смесь свежести чая, терпкости бергамота и тепла — был настолько реальным, что я едва не позвал её по имени прямо здесь, в этом переполненном самолете. Дориан, ты сходишь с ума. Её тут нет, или..?

Глава 2

Тяжелый толчок шасси о мокрый асфальт и нарастающий гул моторов вырвали меня из цепких лап воспоминаний, которые так некстати накатили. Свист тормозов, аплодисменты нескольких пассажиров в хвосте салона — и вот мы здесь, в моем «любимом» городе. Я заставил себя заблокировать экран телефона и убрать его в карман пальто. Хватит.

Экран погас, но строчка сообщения осталась выжженной на сетчатке: «…уйти на середине главы?»

Я закрыл глаза, сделал глубокий вдох, задерживая воздух в легких, и медленно выдохнул, мысленно выстраивая вокруг себя привычную, холодную бетонную стену. Натянуть маску. Вернуть контроль. Мне тридцать девять. Я — ведущий консультант по маркетингу и продажам, человек, чей час стратегического аудита стоит столько, сколько средний менеджер этого города зарабатывает за месяц. Я умею препарировать чужие бизнесы, читать скрытые мотивы потребителей и упаковывать хаос в безупречные, приносящие миллионы стратегии. Любая реальность поддается анализу и расчету. И то, что происходит сейчас, тоже поддастся.

Когда телескопический трап наконец пристыковался, я уже полностью вернул себе рабочее состояние. Лицо — непроницаемо. Взгляд — собран и холоден. Я медленно шёл вперёд; за панорамными окнами терминала, покрытыми мириадами капель, взлётная полоса казалась размытым полотном из свинцовых и синих теней. Далекие золотистые огни аэродрома дробились в стекле, превращая стоящие у гейтов самолеты в призрачные силуэты. Абсолютный, стерильный нуар.

Ловлю такси, и машина уносит меня прочь от аэропорта. Серые улицы и безликие дома проносятся мимо. Когда-то я знал это место наизусть. Оно испытывало меня, заставляло любить и ненавидеть — второе, пожалуй, в гораздо большей степени. Этот мегаполис соткан из контрастов: холодные сооружения из стекла и бетона здесь плавно переходят в средневековые улочки, до сих пор хранящие мрачные секреты в своих закоулках. Как же я мечтал когда-то вырваться отсюда, сбежать без оглядки, чтобы никогда ничего не вспоминать. Но вот я здесь, еду словно чужак-турист по дорогам своего прошлого. А всё из-за чего?.. Стоп. Хватит.

Я стараюсь переключиться, а точнее — полностью отключить эмоции. Включаю внутреннего маркетолога: оцениваю неудачные, блёклые шрифты на вывесках магазинов, критикую про себя безвкусные рекламные щиты — привычка, не выключающаяся даже здесь, под чужим дождём, где я на автомате прикидываю трафик и портрет аудитории по прохожим, кутающимся под зонтами. Это мой щит. Мой способ дезинфицировать пространство, превратив город моих самых острых триггеров в обычный, бездушный «рынок сбыта».

Но где-то глубоко под этой броней ворочалось странное, липкое предчувствие. Я ведь согласился на этот контракт подозрительно легко. Почему? Деньги? Да нет, не в них дело. Это всё мой долбаный синдром болезненного перфекциониста. Навязчивое желание доказывать всем и до сих пор, что я лучший в своей сфере. Cannes Lions, Effie Awards, Webby Awards — у меня есть всё. Кому и что я еще пытаюсь продемонстрировать? Я не знаю, но, тем не менее, я здесь.

Три месяца назад со мной связались представители крупного инвестиционного холдинга. Запрос был специфическим: аудит и полное стратегическое перепозиционирование премиальной сети психологических центров нового поколения на фоне радикальной смены курса. Гонорар, который они предложили, втрое превышал мой стандартный прайс. Но дело было даже не в цифрах. Когда я услышал, где базируется проект, внутри что-то щелкнуло. Какое-то иррациональное шестое чувство — то самое, которое я всегда глушил железной логикой — буквально потащило меня обратно. Как будто включился невидимый магнит. Зов дома. Или зов того, что

я здесь закопал. И я сказал «да» еще до того, как полностью проанализировал последствия. Этот ответ просто вырвался из недр моего подсознания.

Машина тем временем затормозила у входа в отель — очередное современное здание, втиснутое в самое сердце средневекового квартала. Забрав багаж и сухо кивнув водителю, я зашел внутрь. Лобби заполнял мягкий, приглушенный свет, играла ненавязчивая мелодия, а в воздухе разливался приятный, сладковатый аромат свежего кофе. Подхожу к стойке регистрации, на ходу доставая документы. Девушка-администратор, прочитав мое имя в паспорте, поднимает глаза. Мне кажется или её взгляд стал оценивающим? Ощущение, что она знает обо мне что-то личное... Стоп. Гребаный параноик. Конечно, она могла узнать меня — мои фотографии достаточно часто мелькают в международных профильных изданиях и на просторах сети. Забираю ключ-карту и иду к лифтам. Мой номер на третьем этаже. Как же это до банального раздражает. Если бы я не был таким уставшим, вымотанным и опустошенным, обязательно настоял бы на замене комнаты. Но не сейчас.

Оказавшись в номере, я первым делом подхожу к окну. Вид на реку. Ту самую, которая сейчас кажется свинцовой и мертвой под ударами дождевых капель, хотя в моих воспоминаниях она всё еще оставалась теплой, покрытой легкой солнечной рябью.

Я тряхнул головой, прогоняя наваждение. Время работать. Наскоро приняв душ, переодевшись и заварив крепкий кофе, я наконец почувствовал себя почти живым. Сел в кресло, открыл ноутбук. Нужно изучить первичные документы клиента, присланные перед вылетом. Философия бренда, концепция, методология... Чем дальше я вчитывался, тем сильнее внутри натягивалась струна. Проект действительно был безумным. Никакой классической когнитивно-поведенческой терапии. Вся структура бизнеса держалась на вещах тонких, почти эфемерных: *«Сказкотерапия. Работа с архетипами. Парапсихологический анализ и регрессивные практики как способ пересборки личности».*

Внутри что-то болезненно кольнуло. Я сморщился. Описание смутно напоминало какой-то застарелый фантом, хотя я никогда в жизни не работал с подобным направлением. В голове настойчиво закрутилась чужая, давно забытая фраза: «Сказки, которые меняют судьбу». Закрыв глаза, я с силой потер переносицу, пытаясь отогнать этот морок прочь.

В этот момент в дверь номера негромко постучали. Я поднялся и открыл её. На пороге стоял портье с элегантной деревянной коробкой в руках — приветственным сетом от компании-заказчика.

— *Для вас, мистер Дориан. Курьер доставил несколько минут назад.*

Я поблагодарил его, закрыл дверь и поставил презент на стол. Внутри оказался стандартный дорогой набор для VIP-партнеров: кожаный брендированный блокнот, перьевая ручка, термос и флеш-карта. Но на самом дне лежала небольшая плотная карточка из крафтовой бумаги. Я взял её в руки. Текст был выведен аккуратными буквами: *«Добро пожаловать. Мы надеемся на продуктивное сотрудничество и сделаем всё, чтобы вы почувствовали себя как в сказке».*

...Как в сказке. Моя реальность всегда была бесконечно далека от этого слова, скорее наоборот — она напоминала затянувшийся прагматичный кошмар. Почерк на карточке показался мне смутно знакомым, но я привычно отмахнулся от этой мысли. Мне уже подсознательно хотелось вгрызться в этот проект. Я еще раз поднес крафт ближе к глазам, и в этот момент до меня донесся едва уловимый аромат, исходящий от бумаги. Терпкий, сухой бергамот с ноткой чая.

Комната на секунду сжалась до размеров спичечного коробка, словно кто-то резко выкачал из нее весь воздух. Паника, которую я так усердно топил в цинизме, ледяной волной ударила в грудь. Это не могло быть совпадением. Кто-то умышленно залез в мою голову. Кто-то решил пробудить застарелые, похороненные воспоминания через запахи, которые когда-то будоражили мое сознание.

Я швырнул карточку на стол и зашагал по номеру от окна к двери, чувствуя, как внутри закипает глухая, яростная злость. Хватит с меня этой паранойи. Если кто-то решил поиграть со мной в психологические кошки-мышки, используя призраков моего прошлого, он сильно ошибся с выбором жертвы. Я — маркетолог. Моя работа — видеть людей насквозь, вычислять их скрытые мотивы, копать до самой сути, а не наоборот. Я не знал, что именно сейчас дает такой эффект — хронический недосып, возвращение в этот чертов город или игры уставшего разума.

Я сел обратно за стол и снова уставился в монитор ноутбука. Досчитал про себя до десяти, насильно выталкивая безумие вон. Время начинать работу, а со всем остальным я разберусь позже. Откинувшись в кресле, я полностью погрузился в изучение материалов, отчаянно стараясь игнорировать этот чертов аромат чая и бергамота, который, казалось, теперь преследовал меня повсюду.

Глава 3

Ненавязчивый запах мяты, шалфея и сандала обволакивал всё пространство вокруг, смешиваясь с тяжелым ароматом пудрового парфюма, в котором угадывались цветочные ноты, теплые амбровые и гурманские оттенки. Это мое пространство — мой личный алтарь, где человеческое бессилие и травмы превращались в сценарии, а запертая в подсознании боль вновь обретала голос и получала шанс выбраться наружу. Моя крепость. Она была осязаемым продолжением моего разума, искусно выстроенной ментальной ловушкой и одновременно убежищем. Во всяком случае, так мне казалось.

Здесь правила балом глубокая, гипнотическая зелень. Стены насыщенного изумрудного оттенка словно поглощали суету внешнего мира, стирая границы комнатного пространства. Массивные потолочные балки из темного, почти черного дерева нависали над головой, напоминая своды старинного замка или векового грота, затерянного в глубине подсознания. Всё пространство от пола до потолка занимали бесконечные книжные стеллажи. Тысячи переплетов — от современных глянцевых изданий по нейробиологии до ветхих, пахнущих кожей и вечностью фолиантов — хранили в себе чужие тайны, сказки и неоткрытые истины. Слева к полкам прислонялась изящная деревянная лестница, ведущая на второй ярус: узкий балкон-галерею, где в полумраке прятались самые редкие труды по регрессии и мифологии.

В самом сердце этой изумрудной шкатулки, на старинном ковре с выцветшим красно-коричневым узором, располагалась зона ольфакторного и ментального погружения. Два глубоких кресла, обтянутых мягкой кожей цвета выдержанной карамели, радушно принимали каждого, кто решался переступить порог. Здесь я была хозяйкой чужих судеб. Боже, как пафосно звучит. Но увы, это реалии. Я помогала многим людям заново знакомиться со своими демонами и находить силы для борьбы с ними. Известный сказкотерапевт, парапсихолог, регрессолог. Этот кабинет идеально транслировал мою суть: в этой комнате правила магия. Здесь не лечили — здесь переписывали судьбы.

Моя практика давно вышла за рамки житейской психологии. Ко мне не приходили за банальными советами — приходили за ключами от дверей, которые сами же заколотили в своем подсознании. Я уводила людей в регрессии, туда, где травмы нынешней жизни переплетались с узлами прошлого, а детские страхи оживали в виде архетипов. Сказка — это чистый код человеческой психики: измени метафору, и нейронные связи перестраиваются сами. Я вытаскивала людей из их персонального ада. Хотя бы пыталась.

Но мало кто знал, что мое «я» уже много лет хранило шрам, который не поддавался ни одной моей практике. Узел, который я так и не смогла развязать. И он даже не связан с моим мужем. *Бывшим* мужем.

Судебный марафон с бывшим мужем длился почти три года. Он до хрипоты, до пены у рта отстаивал в судах свое право оставить всё как есть: штамповать банальные, конвейерные антистресс-программы, продавать скучные психологические чек-листы, выписывать транквилизаторы и качать деньги из чужой тревожности. Для него клиники были конвейером по переработке человеческого несчастья в сухие цифры чистой прибыли. «Людям нужен стандартный клинический протокол, Лети, а не твои эзотерические сказки и игры с памятью», — цинично бросал он мне в лицо перед каждым заседанием, используя мое усеченное имя как попытку уколоть побольнее. Он пытался выставить меня сумасшедшей шарлатанкой перед инвесторами, превратив наш развод в грязное шоу. Спасибо, что СМИ не были вовлечены. Но он проиграл.

Когда судья наконец огласил финальный вердикт в мою пользу, я не почувствовала триумфа. Только глухую, звенящую тишину. Клиники перешли под мой полный контроль, инвестиционный холдинг дал зеленый свет на международную экспансию, но всю эту старую,

приземленную оболочку банального медцентра нужно было содрать. Компании требовалось перерождение. Нам нужен был лучший в своем деле архитектор смыслов, способный упаковать магию подсознания в безупречную международную стратегию.

Я поставила инвесторам одно условие — имя, которое назвала лично, лично же вычеркнув его из всех протоколов совещаний, чтобы ни одна живая душа не связала мой запрос с моим прошлым. Подтверждение пришло за два дня до его вылета — Карл принёс его имя, и я перестала спать. Команда юристов и менеджеров занималась бумагами, а я просто ждала, боясь признаться себе, как сильно я этого хочу.

Мои мысли занимал совершенно другой мужчина. Хотя, если быть до конца честной сама с собой, — тот же самый. Он всегда был там.

Я подошла к окну. Город внизу утопал в майском дожде — серая, размытая акварель, сквозь которую едва пробивались неоновые вывески делового центра. Мысли были заняты абсолютно не тем, чем надо, и не тем, кем надо. Я бросила взгляд на монитор, где была открыта статья, заставлявшая мое сердце пропускать удар последние три месяца. *Мазохистка.*

Статья о завершении громкого бракоразводного процесса ведущего консультанта по маркетингу. Крупное фото светловолосого мужчины в безупречном деловом костюме. Дориан. Никаких подробностей, только его холодный, отрешенный взгляд с экрана. Тот самый взгляд, который он всегда натягивал на себя как щит, когда реальность становилась слишком острой. После стольких лет я все еще видела это. Его настоящего. Или мне так хотелось думать.

Мой гордый, раненый мальчик, спрятавшийся за маской циничного безэмоционального монстра. *Не мой*. Ты всё-таки построил свою жизнь на том, что препарировал чужие мотивы, но так и не смог разобраться со своими. Твой брак распался, твоя броня дала трещину, а я… я до сих пор помню каждую линию твоего лица, как будто мы расстались только вчера.

Я оторвала взгляд от экрана и посмотрела невидящим взором в окно. Эта статья, словно триггер, отшвырнула меня в прошлое. В нашу последнюю встречу. Это было тогда, тринадцать лет назад. Вот она, чертова дюжина в действии.

Мне было двадцать три, ему — двадцать шесть. На следующий день у него должна была состояться свадьба. Правильный, выверенный шаг для его будущего, идеальная невеста из хорошей семьи, одобренная его первыми наставниками, семьей, да и, чего таить, его личным алчным интересом. Весь его мир уже тогда «катился вверх» по жестким рельсам логики, прагматизма и расчета. Мой циник. *Не мой.*

А в дождливую ночь накануне он пришел ко мне. Без звонка. Без приглашения. Да и как пригласить человека, которого ты заблокировал везде? А он просто пришел. Ну как пришел... залез на мой балкон третьего этажа по водосточной трубе. Третий этаж. Я помню, как тогда перепугалась и бросилась открывать балконную дверь. И он вошел, весь пропахший дождем, табаком и запредельным отчаянием. На нем не было его привычной брони. Его колотило так, было ощущение, что внутри ломались все ребра от каждого удара сердца, пробивая легкие и забирая последние силы.

Я помню, как он ворвался в комнату, подошел близко и посмотрел на меня сверху вниз. И я увидела его глаза такими — безумными, оголенными, полными слез, которые он так отчаянно пытался скрыть за агрессией. Он целовал меня так, словно пытался напиться перед казнью. Впивался в мои губы, хватал за плечи, а потом рухнул на колени, уткнувшись лицом в мой живот.

— *Скажи мне «да», Алетейя,* — умолял он, и его голос срывался, ломался, как сухая ветка под ногами. — *Просто скажи одно слово. И я всё расстрою. К черту эту свадьбу, к черту их всех. Я уйду от них. Я останусь. С тобой. Позволь мне остаться. Спаси меня от этого.*

А я просто стояла и смотрела на него, медленно перебирая его мокрые волосы, не понимая, сон это или реальность. Тогда он прокатил меня на настоящих эмоциональных русских

горках, он пытался решить судьбу на двоих. *Нашу* судьбу. Он был готов разрушить свое будущее ради меня — той, от которой сам же бежал, упрямо называя себя бесчувственным мудаком. И в эту ночь я поняла, как сильно он меня любит. И как сильно он боится этой любви. Он не был готов.

Я не сказала "да". Я знала, что это неправильно. Это должно было быть не ТАК. И если он останется сейчас, из страха и минутного порыва, он будет жалеть об этом. И мы будем с ним качаться на этих качелях всю оставшуюся жизнь. Что он сломает и себя, и меня. Поэтому я стояла и молчала, просто вбирая в себя последние мгновения нашей отчаянной близости. А на утро он ушел. И исчез на долгие годы.

Если бы не эта статья, наверное, я так же оставалась бы в неведении. И он все так же был бы для меня исчезнувшим. *Как часто ты врешь, Алетейя?* Хорошо, почти исчезнувшим.

Я моргнула, сфокусировав взгляд на реке, которая простиралась вдоль нашего офисного здания. Воспоминание оставило на губах фантомный вкус той ночи — горький и сладкий одновременно.

Я не была готова к встрече с ним все эти годы. Точнее, я думала, что не готова. Мне нужно было вырасти. Из той восторженной, разрушающейся от каждого его жеста девочки в парке мне пришлось выковать женщину, которая сможет выдержать его внутреннюю бурю и не сломаться под весом его цинизма. Я выиграла свою главную войну в судах, я выдавила из своего бизнеса банальность бывшего мужа, я научилась управлять подсознанием. Если бы я сейчас встретила его... *о, Дориан*, я готова к этой встрече.

Интересно, в каком из городов мира ты сейчас прячешь свои сломанные ребра? Думаешь ли ты хоть иногда обо мне?

В дверь кабинета тихо постучали, возвращая меня к текущей реальности. Вошел Карл, держа в руках папку:

— *Алетейя, инвесторы утвердили план. Завтра первая встреча.*

Я кивнула.

— *Хорошо. Пусть подготовят для консультанта вводные материалы старого формата, всю эту нудную писанину моего бывшего. Время начать перестройку.*

Глава 4

Утро встречает всё той же серостью и майским дождем. Наспех принимаю душ, пытаясь смыть с себя остатки вчерашнего липкого ощущения неизбежности. Перед выходом бросил последний взгляд в зеркало: бесстрастное лицо, глаза — непроницаемые льдины, упрямо очерченный подбородок. Я застегнул запонки, поправил жесткий воротничок сорочки и надел черный пиджак, словно штурмовой бронежилет. В зеркале отразился абсолютно собранный мужчина. Никаких следов ночного безумия. Профессионализм хорош тем, что его можно купить, но нельзя сымитировать. Инвесторы платили мне за то, что я умел отключать человеческое внутри себя и превращать хаос в безупречные коммерческие алгоритмы.

Злополучную карточку оставляю в номере, всё ещё в надежде, что это игры моего разума. Или чья-то игра — корпоративный шпионаж, направленный на то, чтобы вывести меня из строя. Но разве кто-то мог что-то знать о моем прошлом? Я старательно скрывал всё, что происходило в моей жизни, пряча каждую крупинку своего бытия. Кроме, да, конечно, кроме этого развода, будь он проклят. Ненасытная *дура* надеялась, что участие СМИ увеличит её кусок алиментов. Но это в прошлом. Сейчас я здесь, в своём городе грехов, направляюсь навстречу новому испытанию.

Такси подвезло меня к представительству заказчика. На фоне серого и скучного городского вида — здесь было на что посмотреть. Офис располагался в уединенном прибрежном квартале, в здании бывшей кирпичной мануфактуры. Старинная кладка, местами тронутая мхом и оплетенная диким виноградом, удивительным образом сочеталась с огромным стеклянным кубом, врезанным в фасад. Я не был сторонником старинных зданий, предпочитая конструкции из стекла и металла, но я должен был признать — сюда хотелось заглянуть. Хотелось разглядывать это здание — это архитектурное решение создавало невероятный контраст: суровое индустриальное прошлое буквально растворялось в невесомом, прозрачном настоящем. В огромных окнах отражался безмятежный вид на реку, и время здесь будто останавливалось.

— *Мистер Дориан,* — высокий мужчина под зонтом и явно в очень дорогом костюме окликнул меня, стоя у входа в здание. Оценив его взглядом, я решил, что это, наверное, старший юрист, с которым вел переговоры мой ассистент. За ним, словно тени, стояла пара людей помоложе, наверное, ассистенты, решил я. Один из них уже подбегал ко мне, раскрывая на ходу зонт. Мистер Вейс — именно так звали юриста — протянул мне руку, когда я подошел ко входу. — *Добро пожаловать*.

Мы двинулись вглубь здания, свернув налево сразу от главного вестибюля. Внутри всё было стерильно и даже безлико, как и ожидается в инвестиционном холдинге. Стерильность — лучший аналог слепоты. Когда вокруг тебя только белый пластик, полированный хром и матовое стекло, сознанию просто не за что зацепиться, чтобы вырастить внутри очередного призрака. На секунду я задумался, как же выглядит правое крыло этого здания, где располагалась клиника. Я успел заметить, что за стеклянными дверьми в клинику начиналось буйство красок, разбавленное всевозможными растениями. Но наверняка мне предложат экскурсию туда позже. *Не сейчас*.

— *Мажоритарный акционер предпочитает не афишировать свое участие в проекте до момента официального ребрендинга,* — сухо отчеканил юрист, подвигая ко мне чашку горького, почти черного эспрессо, когда мы зашли в отдельный офис, видимо, выделенный для меня на время работы. Стеклянный куб, идеальная звукоизоляция, резкий свет люминесцентных ламп. Никаких посторонних запахов — только кондиционированный воздух. — *Все операционные и юридические полномочия делегированы нашей команде. Ваша задача, Дориан,* —

провести аудит старого наследия и подготовить клинику для международной экспансии. Мы должны сотворить чудо.

— Чудеса — это по моей специальности. И меньше лиц — чище работа, — отозвался я, принимая чашку. *— Мне нужны архивы прежнего руководства. Всё, на чем строился этот бизнес последние годы.*

В этот момент в офис ассистент закатил массивную тележку, доверху забитую архивными папками.

— Мы уже подготовились. Дайте знать, если Вам потребуется что-то ещё, — мистер Вейс провел рукой по идеально уложенным волосам. Затем вытащил ключ-карту из внутреннего кармана своего пиджака. *— Эта карта даёт Вам доступ ко всем необходимым для Вас помещениям офиса. Приходить и уходить Вы можете, когда Вам заблагорассудится. Мои контакты у Вас есть. Удачи.*

— Она не понадобится, — я выдавил из себя подобие улыбки. Хотя, скорее, это была ухмылка, даже оскал. Самоуверенный *ублюдок*. Я разучился принимать любые человеческие эмоции, потому и прикрываюсь этим бесконечным цинизмом. Юрист кивнул и вместе со своей командой покинул офис.

Я остался один. *Наконец*. Раскрыл первую папку и погрузился в чтение — чужую жизнь, оцифрованную и оформленную в черно-белую писанину.

На каждом бланке, на каждом проекте, на каждой лицензии и договоре аренды жирным шрифтом было выбито одно и то же имя: *Артур Кренц. Генеральный директор*. Я листал документы, и перед моим мысленным взором вырисовывался портрет этого человека. Артур Кренц не был медиком. Это стало ясно даже мне, человеку, который избегал любой психологической помощи. Хотя, наверное, *зря*. Так вот, мистер Кренц был мясником от коммерции, расчетливым и приземленным дельцом, который управлял сетью психологических клиник как конвейерным заводом по переработке человеческого несчастья. Жесткие тайминги — ровно сорок пять минут на пациента, превышение лимита — штраф терапевту. Таблицы KPI, какие-то непонятные цели и SLA, которые никак не вязались с помощью людям, завязанные на «продолжительность удержания клиента на медикаментозном лечении». Сметы на закупку дешевых транквилизаторов крупным оптом. Чек-листы экспресс-программ против тревожности, которые штамповались как дешевые бездушные листовки.

Это был абсолютно мертвый, кастрированный бизнес. Кренц выкачивал деньги из чужого страха, превращая живую боль в сухие цифры чистой прибыли. Неудивительно, что бренд в итоге сожрал сам себя и вызвал отторжение у инвесторов. Здесь не было души, только холодный клинический протокол. Здесь не было ничего. *Ничего.*

Я просматривал папку за папкой, где всё так же были прорисованы тупые и однобокие стратегии. Пока не наткнулся на документы за последние пару лет. Здесь что-то было иначе. В однотонные проекты закрадывались лучи солнца, которые были насильно вырезаны Кренцом. Я затаил дыхание, вчитываясь в эти предложения. Наброски программ по работе с глубинными архетипами подсознания. Разрешительные документы на запуск метафорических карт. Описание методик сказкотерапии и погружения в регрессивные состояния. Кто-то внутри этой структуры пытался сломать стену, пробиться к иррациональной, ментальной глубине человеческой психики. Вот откуда смена направления. Этот некто уже пытался внедрить то, ради чего меня позвали. Но с точки зрения мистера Кренца — это был *«бред умалишенного»*. Именно такие комментарии он оставил к одному из предложений.

Мудак. Я уже не мог переваривать этого Артура Кренца, хотя я только прочитал несколько его скудоумных предложений и комментариев. Сжав кулаки, я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Дориан, в твоей работе нет места эмоциям. Я вернулся к просмотру документов. Но, к сожалению, чем дальше я пытался погрузиться в изучение этих инновационных подходов, тем больше было пометок на полях всё того же человека: *«Шарлатанство»,*

«Убрать из предложения, инвесторы это не должны увидеть», «Мы что, в детском садике? Карты? Сказки? Бред!». Вся предложенная магия была уничтожена. Изрешечена черным маркером.

Я откинулся на спинку кожаного кресла, не отрывая взгляда от перечеркнутых строк. Кренц методично душил чужие идеи, заколачивая двери в подсознание своими сухими инструкциями. Он презирал автора этих строк, выставлял его сумасшедшим мечтателем, мешающим зарабатывать чистую прибыль.

Я распылялся, сам не понимая почему. Но мне было обидно за этого неизвестного автора этих прогрессивных идей, которые заинтересовали даже меня. Конечно, не настолько, чтобы я согласился посетить кабинет парапсихолога или регрессолога, но тем не менее. Здесь был потенциал. *Есть потенциал.*

Я открыл ноутбук, создал новый рабочий файл и с глухим раздражением вбил первый заголовок: *«Стратегия тотального демонтажа Кренца. Концепт перерождения»*.

Мой мозг уже представлял, в каком направлении я буду продвигать этот бизнес. Я был полностью защищен своей работой. Реальность снова принадлежала мне. Я был её дирижером.

В этот момент кондиционер над головой бесшумно выдохнул очередную порцию воздуха. Я на секунду замер, потянув носом. Сквозь стерильный, химический запах офисного пластика и бумаги мне снова почудился едва уловимый, призрачный шлейф бергамота.

Я тряхнул головой, прогоняя наваждение. Вызвал секретаря, попросив принести мне в офис кофемашину, и с силой ударил по клавишам, загоняя свои мысли обратно в рамки жесткого маркетингового протокола. Время начинать демонтаж.

Глава 5

Дождь шел весь день. Типичный май. Тихий шепот капель погружал мой кабинет в убаюкивающее состояние, принося через открытое окно запах свежести. Мне всегда нравился этот запах дождя. Такой тихий, такой неуловимый, но такой обволакивающий. Струя белесого дыма от пало санто лениво потянулась к массивным потолочным балкам, закручиваясь в безупречную спираль. Спираль — это символ регрессии. Движение вспять, к началу начал, туда, где под толщей навязанных защит прячется первопричина человеческой боли. Или, наоборот, жизненной силы.

Удобно устроившись в кресле, я проводила одну из своих практик. Передо мной на оттоманке расположилась молодая женщина. Она внушала страх и восхищение в мире бизнеса, но какой ценой? Именно этим мы и занимались с ней — пытались нащупать корень её проблемы.

— Жанет, когда-то очень давно жила девушка. Она была прекрасна — и телом, и душой, — я обратилась к женщине тихим, вкрадчивым шепотом. *— С юных лет жизнь проверяла её на прочность: сначала ей пришлось заботиться о младших, потом — защищать свой дом от невзгод. Когда другие девчонки плакали от усталости или ждали помощи, она повторяла себе: «Слезы — это вода. Вода размывает почву. Если я дам слабину, всё рухнет. Я должна быть опорой». Она была настолько надежной, что люди стали называть её «наша скала». Девушка гордилась этим. Чтобы ни один удар судьбы не мог её ранить, она мысленно построила вокруг своего сердца стену из тяжелого, серого гранита. Шли годы. Девушка по-прежнему решала все проблемы, спасала близких, выдерживала любые кризисы. Но камень внутри начал разрастаться. Сначала каменной и неподвижной стала её осанка — она больше не могла расслабиться, даже когда ложилась спать. Потом каменным стал её голос — ровный, спокойный, без единой живой интонации. Мужчины смотрели на неё с уважением, но боялись подойти — рядом с ней каждый чувствовал себя лишним. Друзья перестали спрашивать: «Как ты?», потому что знали ответ: «Всё нормально, я справлюсь». Ты это видишь? Кто это?*

— Это я, — женщина поежилась, закрывая лицо руками.

— Да, это ты. Тебе это нравится?

— Нет, конечно, нет, — Жанет всхлипнула. *— Я как живой памятник. Бесчувственный монумент.*

— Да, это так. Что ты будешь делать? Примешь это или будешь бороться за свою свободу? Тебе надо разрешить себе быть слабой. Ты не камень, — я сделала паузу. Жанет уже плакала, впервые с начала нашей совместной работы. Значит, не всё потеряно. *— Дай этим слезам сломать твою каменную броню. Дай людям увидеть, что ты тоже бываешь слабой. Это не слабость. Выпусти это наружу — твоя внутренняя сила всегда останется с тобой.*

С оттоманки уже раздавались всё более громкие рыдания, женщина почти потеряла контроль над своими эмоциями. Именно то, чего мы и добивались. Она оживала.

— Сказка, которую ты услышала, это лишь ход событий, но ты можешь всё изменить, — я позволила моим словам глубже проникнуть в её подсознание. *— Не надо бояться быть неидеальной, Жанет. Ты спряталась в каменном коконе, чтобы защититься от слабости, но кокон прирос к коже. Твоя крепость стала твоей тюрьмой. Но ты можешь выйти.*

Я вела Жанет через её персональную преисподнюю. Весь день меня не покидало ощущение, что что-то сдвинулось — ветер сменил направление. Сегодня утром мне выпала карта одуванчика: созревшая головка, ветер срывает с неё семена и уносит по диагонали, в открытое пространство. Ветер перемен. Если не ветер перемен, то что? *Не жди ничего хорошего.*

«Новеллист», — беззвучно отозвалось в моём подсознании, и сердце болезненно сжалось, напоминая о фантомных ребрах, сломанных тогда, много лет назад. Я вздохнула, возвращая фокус внимания на пациентку.

— Сделай глубокий вдох, Жанет. Ломай этот камень. Круши. Впусти свет. Переписывай этот сценарий…

Через час, когда сеанс был окончен, а заплаканная, но впервые за долгое время улыбающаяся Жанет покинула кабинет, я осталась одна в своем изумрудном дворце. Пало санто почти выветрился, уступая место уже привычному аромату сандала и бергамота. В панорамных окнах отражалась безмятежная гладь воды, испещренная мелкими каплями дождя.

В дверь тихо постучали. Это был Карл, мой ассистент. Он нерешительно остановился у порога, прижимая к груди планшет. Молодой человек, несмотря на возраст, был хорошо подкован в психологии и полностью разделял мои взгляды на практики. Наверное, поэтому он работал со мной пятый год. Ты представляешь, пятый год, Карл! На его лице читалось странное замешательство.

— Всё в порядке? — он внимательно посмотрел в мои абсолютно отрешенные глаза. Я всё ещё проводила параллели сегодняшнего дня, своих ощущений и того, что он принес. — *Алетейя, у нас есть первый прогресс. Юристы только что получили первый черновик от нашего нового консультанта. И я скажу Вам честно, это впечатляет. Он понял Вас.*

— Да? — я иронично подняла бровь, возвращаясь в настоящий момент. Почему я стала выпадать из реальности всё чаще и чаще в последние три месяца? Не может же быть виной всему он? *Может*. Не будь такой наивной. Ты самая умная, можешь помочь кому угодно на свете. Кому угодно, *но не себе*. Не обманывайся. — *Что же придумал этот гений?*

— Он искромсал весь концепт Артура до основания, — Карл протянул планшет с открытым документом. *— Вы взгляните. Мистер Вейс сказал, что он провел весь день в офисе, практически не двигаясь. И это только начало.*

Мой взгляд скользнул по первой строчке заголовка, выведенного строгим, рубленым шрифтом: «*Стратегия тотального демонтажа Кренца. Концепт перерождения*». Я опустилась в кресло у рабочего стола и погрузилась в изучение этого первого драфта. С каждой строчкой, с каждым абзацем внутри меня натягивались невидимые струны. Новый концепт дышал невероятной, пугающей силой. Это был чистый, высококлассный цинизм, граничащий с гениальностью. Автор называл бывшего мужа *«мясником»*, а весь его бизнес — *«конвейерным заводом по переработке человеческого несчастья»*. Разбивая все его концепты в пух и прах. Было ощущение, что он боролся за меня. *Чушь.*

При этом все мои идеи, которые вырезались последние годы из каждого проекта, документа и отчета, были собраны воедино. Он предлагал вытащить наружу мои сказки. Упаковать архетипы в безупречную международную воронку. Создать новые метафорические карты. И продать миру иррациональное через жесткий расчет.

Но внутри меня забила легкая дрожь. *Этого не может быть.* Этот безупречный, прагматичный ритм фраз. Эти короткие, бьющие наотмашь формулировки. Этот скрытый, сочащийся сквозь строчки цинизм и перфекционизм человека, который ненавидит свою уязвимость и потому доводит до абсолюта чужие смыслы.

Я знала этот почерк мышления. *Раньше.* Такой гроссмейстерский, безжалостный демонтаж реальности мог делать только один человек.

— Карл, а как... Как зовут нашего специалиста? — спросила я, заранее зная ответ. Но пока он не прозвучал вслух, это еще не реальность. *Не тешь себя мечтами.*

— Мистер Вейс сказал, что его зовут Дориан. Просто мистер Дориан. — Комната вокруг меня словно качнулась. Зеленые стены на секунду сжались, превращая мою крепость в тюрьму, а весь воздух стал горячим, пахнущим дождем, табаком и запредельным отчаянием

тринадцатилетней давности. Возможно, это просто совпадение? *Невозможно. — Во всяком случае, так он представился.*

Дориан.

Новеллист.

Он прилетел. Он здесь, в моем городе, в моем офисе, сидит в стерильном стеклянном кубе и переписывает бриф моей жизни, даже не подозревая, что воюет за меня. Мой циник. Мой палач. Мой самый главный враг.

Я медленно повернула голову к окну. За стеклом, в серой луже на асфальте, дрожало размытое отражение неоновой вывески. Мир оставался прежним, но чертова дюжина официально подошла к концу. Книга была открыта на середине главы, и автор, сам того не зная, уже взял в руки перо.

Я сделала глубокий вдох, заземляя парализующий страх, и поднялась с кресла. В горле пересохло. Светлые волосы тяжелой платиновой волной упали на плечи. Меня всё еще била мелкая дрожь, ноги слегка подкашивались. Но на моих губах появилась холодная, ироничная улыбка женщины, которая больше не боится бури. *Врунья*.

— Отлично. Передай мистеру Вейсу и мистеру Дориану, что я подтверждаю первый план его, как он выражается, «демонтажа». Но, Карл, скажи мистеру Вейсу, что ни один из его сотрудников не должен раскрывать мое имя консультанту. Это понятно? — я сказала это пересохшими губами, не поворачивая головы в сторону двери.

Карл кивнул и, забрав планшет с моего стола, вышел из кабинета, оставив меня наедине с моим хаосом.

— Что ж, Дориан, теперь позволь мне указать тебе правила игры, — сказала я, обращаясь в пустоту. Дождь заканчивался, сменяясь ленивыми лучами закатного солнца. Словно подавая знак, что всё может быть по-другому.

Глава 6

Откинувшись в кресле, я потер глаза. Сколько я уже сижу в этом офисе? Восемь? Десять часов? Кто считает. Но я доволен. Я сделал основу будущего перерождения. Клиника восстанет как птица-феникс из пепла. Я в это верю. *«Вера для глупцов»,* — сразу же отдается в подсознании. Я это *знаю*. Сделав первый эскиз, я сразу поделился им с мистером Вейсом и компанией. Думаю, раз никто не пришел после этого с вилами и факелами, значит, мое виденье пришлось по вкусу. После этого я начал работать над внутренним анализом, сделав акцент на мнении бывших сотрудников. Благо среди предоставленных документов были и выходные интервью. Это было достаточно занимательное чтиво, но ничего принципиально нового я не обнаружил. Банальное: *«зарплаты не соответствуют обязанностям», «мы не помогаем людям, а выкачиваем деньги»* — всё это было мне понятно и до того, как я открыл папки.

Решив, что офис уже окончательно погрузился в послерабочую атмосферу, я быстро набрал юристу холдинга.

— Мистер Вейс, я никого не потревожу, если пройдусь по клинике?

Молчание на другом конце провода могло означать только одно: он ждал разрешения у кого-то еще. И, видимо, получив отмашку, быстро ответил:

— Да, конечно, мистер Дориан. Вам можно заходить во все помещения, кроме офиса нашего ведущего врача. Ну и, соответственно, в архивы, где мы храним истории пациентов. Врачебная тайна, сами понимаете, — добавил он сухо.

— Спасибо, — я отключился, на секунду задумавшись: у кого, черт побери, он должен был уточнять ответ, если несколько часов назад сам вручил мне ключ от всего здания? Стряхнув с себя эту мысль, я наконец вытянулся во весь рост и, взяв пиджак, вышел из кабинета.

Я шел размеренно по коридору, который вел в крыло клиники. Не знаю почему, но в области грудной клетки я ощутил странный трепет. Это напомнило мне детство, когда я получал подарки, упакованные и завернутые в несколько слоев, чтобы усилить это сладкое нетерпение перед раскрытием сюрприза. Возможно, мне просто хотелось увидеть, где происходит эта магия сказки и где метафоры обретают смысл. Как я понял из документов, только в этой клинике при HQ использовались подобные методики и практики. Они не афишировались, не рекламировались, и в целом для всего остального мира их не существовало.

Стоило мне провести ключ-картой по сканеру, как дверь мягко отворилась, словно приглашая войти. Шагнув через порог, я ощутил, как меня обдало легкой волной сандала, мяты и чего-то еще. Я не совсем понял, чего именно, но этот запах показался мне смутно знакомым. Я попал прямо в зону регистрации, хотя догадаться об этом можно было разве что по стойке ресепшена. Административная стойка из грубого, красивого дерева с неровным природным краем. Сразу за ней поднималась огромная стена из живых тропических растений, а сквозь панорамные окна падал свет ночной набережной. В остальном помещение больше напоминало гостиную в старинном особняке — такую уютную и теплую, что я аж поежился. *Слишком* уютную. Какой-то скрытый от глаз оазис, созданный для исцеления изувеченных душ.

С одной стороны холла тянулись высокие оливковые стеллажи, заставленные книгами и комнатными растениями. С другой — зона ожидания: мягкие изумрудные диваны, пушистый ковер, деревянный журнальный столик и кожаный пуф. Если бы мне когда-нибудь потребовалась помощь... *«А она тебе нужна»,* — опять этот мерзкий, надменный голос в голове. Я определенно хотел бы остаться здесь. Мне хватило нескольких минут, чтобы против воли проникнуться этой атмосферой абсолютного умиротворения.

На краю журнального столика лежала потрепанная книга — «Мифы Древней Греции». Когда-то я до дыр зачитывал эти страницы. Все эти жестокие боги, трагедии и захватывающие

дух истории. Руки сами, помимо воли, потянулись к ней, и я вновь ощутил этот внутренний трепет. Перестань.

Я почувствовал пальцами мягкий кожаный переплет, вдохнул знакомый запах пожелтевших страниц. Открыл наугад, начал листать — и замер. Не может быть.

Это была моя книга.

Но как это возможно? Разум кричал: *«Исключено!»*. Я последний раз видел её лет двадцать назад, в родительском доме. Но здесь не могло быть ошибки. С внутренней стороны обложки тянулась неровная строчка, выведенная моим собственным, уродливым юношеским почерком:

«Боги в этих сказках красивые, потому что тем, кто их придумал, было страшно признать: чудовища сидят не в лабиринте. Они сидят в нас».

Пафосно. Даже для шестнадцатилетнего болвана — слишком пафосно. И все равно каждое слово било под дых так, будто было написано вчера, а не двадцать с лишним лет назад.

Книга с глухим стуком выпала из моих рук, ударившись о мягкий ковер. Какого черта здесь происходит?

Это кто-то подстроил? Или моя паранойя обрела плоть и вырисовывает галлюцинации прямо у меня на глазах? Колени подогнулись. Сделав несколько судорожных вдохов и выдохов, я поднял книгу с пола и ещё раз прочитал заметку. *Нет.* Никаких ошибок. Мой почерк. Мой слог. Мое прошлое, перечеркнувшее настоящее.

Я замер, дико оглядываясь вправо и влево, ожидая, что сейчас из-за живой стены растений выскочит съемочная группа холдинга с криками: *«Вас снимает скрытая камера! Розыгрыш!»*. Но вокруг стояла оглушительная, мертвая тишина, нарушаемая лишь шорохом дождя. Реальность не собиралась делать скидок. Моя прошлая жизнь, которую я так тщательно замуровывал в бетон, каким-то образом проросла сквозь этот чертов изумрудный ковер. И кто-то знал об этом. Кто-то очень сильный и невидимый. Тот, кто управлял этим холдингом из тени. Он пытался вывести меня из игры? Или, наоборот, расковыривал мои шрамы, чтобы проверить на прочность?

В голове закружились воспоминания о том, как много мы обсуждали эти мифы. Эта книга ведь никогда не предлагала легких утешений. В ней не было абсолютного добра и плоского зла; она приглашала к честному, безжалостному разговору со своей тенью через призму вечных архетипов. Метафорический, тягучий язык, который тогда казался мне лекарством от хаоса.

Я помню, как мы спорили о Тесее и лабиринте. *С ней.*

Я передернул плечами, прогоняя ледяной пот. Нет, это абсолютно невозможно. Я без понятия, где она и что с ней сейчас, но я уверен на миллион процентов: она с этим проектом никак не связана. Ни за что на свете. Она ненавидела бизнес, презирала сухие цифры. Её просто не могло здесь быть.

Тогда откуда здесь эта книга?

Рациональный мозг, будь он проклят, судорожно зацепился за единственную логическую соломинку. Родительский дом продали десять лет назад. Часть вещей отдали в букинистические лавки, часть — выбросили. Книга просто ушла в оборот. Какой-то дизайнер интерьеров из команды Артура Кренца скупал старые винтажные издания на барахолках для создания «уютной атмосферы» этой чертовой гостиной. Вероятность один на миллиард. Но в маркетинге я видел и не такие совпадения.

Да. Это просто теория вероятности. Успокойся, Дориан. Это просто старый хлам. Надейся на это, иначе эта глухая тревога тебя уничтожит.

Я аккуратно, словно прикасался к оголенному проводу, положил «Мифы» обратно на край столика. Но трепет в груди не утих. Он превратился в глухую, пульсирующую тревогу.

Я заставил себя отвернуться от зоны ожидания и пошел дальше по коридору клиники, глубже в этот умиротворяющий оазис безмятежности. Деревянный пол мягко поглощал звуки

моих шагов. Двери кабинетов по обе стороны были черными, но вместо номеров на них висели изящные латунные таблички с названиями, от которых у любого нормального практикующего врача дернулся бы глаз: «Кабинет метафорического моделирования», «Зал регрессивного погружения», «Пространство поиска ТЕНИ».

Тень. Кэмпбелл. Юнг. Тот самый «бред умалишенного», который Кренц вычеркивал своим черным маркером. Я шел мимо этих дверей, чувствуя себя исследователем, который пробрался на заброшенную территорию древнего культа. И всё же, Кренц был идиотом. Здесь, в этих коридорах, не пахло медициной. Здесь пахло дорогой, штучной, элитарной мистикой, за которую богатые и уставшие люди города готовы были отдавать последние деньги.

Коридор заканчивался массивной двустворчатой дверью из темного дуба. На ней не было латунной таблички. Только сканер для ключ-карты, мигающий ровным багровым светом.

Кабинет ведущего врача. Тот самый, в который мистер Вейс строго-настрого запретил мне заходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.